Нина Гаврикова

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Нина Павловна Гаврикова
Задушевный разговор

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64106696
Задушевный разговор: Союз писателей; Новокузнецк; 2019
ISBN 978-5-00143-195-4

Аннотация

«Задушевный разговор» – это книга о людях и судьбах, это исповедь человека, который дорожит своими воспоминаниями и умеет любить. Здесь есть место благодарности, любви, чуду, радости и грусти, ощущению счастья – всему тому, что является неотъемлемой частью бытия и насыщает жизнь каждого человека. Герои произведения проявляют себя в отношениях – с родными, любимыми или обычными посторонними людьми, проходя проверку на человечность и доброту. Читатель узнает легенду о Баннике, услышит семейные секреты, вместе с героями сделает шаг над пропастью, задумается о судьбе животных и птиц. Писательница в публицистических заметках распахнёт перед читателем двери и заведёт задушевный разговор о дорогих ей людях. Книга Нины Гавриковой приглашает к диалогу!

Содержание

Дорогой читатель! 5
Эх, жизнь деревенская! 8
Банник 8
Скорый поезд 26
Семейные корни 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Нина Гаврикова
Задушевный разговор

© Н. П. Гаврикова, текст, 2019
© Издательство «Союз писателей», оформление, 2019
© ИП Суховейко Д. А., издание, 2019

Дорогой читатель!

Книгу «Задушевный разговор» я посвящаю Л. Н. Афанасьевой. Мы были знакомы семнадцать лет. Людмила Николаевна работала преподавателем литературы и русского языка в Сокольском целлюлозно-бумажном техникуме, а я в 1981 году стала студенткой данного учебного заведения.

Наша жизнь как нехоженая тропа в лесу – не знаешь, куда выведет… Иной раз кажется: ушёл от дома далеко-далеко, а оказывается – кружишься на одном месте. Другой раз думаешь, что вдоль околицы бродишь, оглянешься: ни дома, ни родных, ни друзей. Судьба крутит в водовороте будней, то окуная с головой до самого дна, то приподнимая на поверхность. Так и общение с Людмилой Николаевной не раз надолго прерывалось, а потом возобновлялось в новой ипостаси. Светлые воспоминания о времени учёбы в техникуме остались в прошлом; когда в Соколе открыли Детский литературный клуб «Озарёнок», без помощи Людмилы Николаевны не смогли обойтись.

Людмила Николаевна имела педагогический стаж работы сорок два года. За время работы проявила себя как профессиональный педагог, умеющий видеть и развивать творческие наклонности детей, увлекать их литературным творчеством. Изучив детскую психологию и мастерски используя индивидуальный подход к ученикам, Людмила Никола-

евна последовательно развивала творческий потенциал членов клуба, используя разнообразные формы работы: литературные праздники и презентации, встречи с профессиональными писателями и поэтами, экскурсии в музеи и литературные места родного края, литературные мероприятия в разных библиотеках Сокола, участие в городских, областных и всероссийских литературных конкурсах.

Вместе с Людмилой Николаевной члены клуба «Озарёнок» побывали в краеведческом музее города Кадников и в школьном музее села Архангельское, связанном с творчеством сокольского поэта А. А. Ганина и пребыванием у него С. А. Есенина. Совместно с другими руководителями клуба Людмила Николаевна организовала праздничные литературные юбилеи писателей В. И. Белова, А. Л. Барто, М. В. Ломоносова, С. В. Михалкова. Проведены творческие встречи с членами ЛИТО «Сокол» и Натальей Мелёхиной, писательницей и журналистом областной газеты «Премьер», с сокольской писательницей и поэтессой Н. П. Гавриковой в литературной гостиной её родного учебного заведения – Сокольском ЦБТ (ныне Сокольском ЛПТ). В 2017 году во время семинара директоров школ Сокольского района на базе школы № 10 коллектив МДЛК «Озарёнок» выступил с презентацией собственного литературного сборника «Кастальский ключик» (выпуск № 2).

Участники клуба принимали активное участие как в школьных, так и в городских литературных мероприяти-

ях. Они являются победителями и призёрами литературных конкурсов разного уровня. В этом немалая заслуга руководителя. Людмила Николаевна была убеждена, что только через творчество формируется Личность, её активная жизненная позиция, умение проявлять себя в жизни. Её работа как руководителя Сокольского отделения МДЛК «Озарёнок» заслуживает самой высокой профессиональной оценки.

Всё, чего я добилась на творческом пути, – это заслуга Людмилы Николаевны!

С уважением, Нина Павловна Гаврикова, член ЛиТО «Сокол» и Академии российской литературы, руководитель МДЛК «Озарёнок».

Эх, жизнь деревенская!

Банник

Зима. Пушистый снег везде: пухлыми сугробами на земле, белыми изогнутыми линиями серебристого инея на ветвях деревьев, пышными шапками на крышах домов. Связующими нитями паутины растянулись в разные стороны посёлка тропинки: широкие, расчищенные лопатами – вдоль домов и дорог, узкие – поперек реки.

Издавна в деревнях отмечаются святки, да это и неудивительно: нехитрые традиции сохраняются из поколения в поколение. В посёлке Михалёво, как в большой деревне, все друг друга знают. Гармонисты обычно, вывернув полушубок наизнанку, собрав соседских ребятишек, ходят по домам со святочными песнями, шутками, прибаутками, где их гостеприимно встречают и щедро угощают. Молодые девицы разными способами пытаются заглянуть в судьбу. Парни в это время немного вольничают: у нерадивых хозяек могут и поленницу уронить, а некоторым и дверь подпереть.

В рождественский сочельник Мороз-воевода осерчал, Лютую Стужу рядом держал. Жителям посёлка нос на улицу не давал высовывать, не то что колядовать. Семиклассницы-подружки Лиля, Валя, Оля и Надя решили сначала схо-

дить в баню, а с наступлением ночи устроить гадания. Обычно они ходили перед самым закрытием, чтобы можно было с удовольствием посидеть в парной и не торопясь помыться.

В назначенный час подружки встретились на перекрёстке. Энергично потирая варежками замёрзшие коленки и раскрасневшиеся щёки, прибыли в баню. Шумно скидывая заиндевелые пальто и шапки на лавку, зябко подёргивая плечами, плотно обступили горячую батарею. Лиля, собрав у подруг мелочь, подошла к маме, которая работала в бане кассиром, высыпала монеты на тарелку и сама оторвала билеты. Наклонила голову в сторону моечного отделения, будто спрашивая: сколько человек ещё осталось? На что мать подняла вверх указательный палец, мол, одна, подождите чуток, сейчас выйдет. Девчонки, лукаво переглянувшись, попросили тётю Олю, маму Лили, рассказать о Баннике.

– Ну, хорошо-хорошо! Так и быть, коли вам неймётся – расскажу. Эта каменная баня построена в пятьдесят шестом году, шестнадцать лет назад; мой муж как раз из армии пришёл в декабре. Замуж-то, девчонки, я за Станислава Изотова вышла в пятьдесят втором, а потом его в армию призвали. Когда он демобилизовался, мы уж тут мылись, в город больше не ездили. Раньше была деревянная, маленькая баня, воду Толя Карпова и Лида Левинская носили с реки вёдрами на коромыслах, воды мало было, на всех не хватало. В основном сезонных рабочих мыли, которые приезжали на лето на заготовку торфа. Нас, местных жителей, звали механизато-

рами (и улицы посёлка поэтому так названы – Сезонников и Механизаторов). Здесь-то, заметьте, скважину сразу пробурили. Баня по уму сделана: слева от кочегарки – прачечная, справа два отдельных входа: один в летние души, другой в баню.

– Мам, да про баню-то мы всё знаем, ты о Баннике расскажи, – оборвала дочь.

– Так вот я и говорю. Деревянная баня в центре посёлка стояла, где сейчас клуб. Однажды деревянный барак, что рядом с баней, но ближе к реке, как непотушенный уголёк, ветром раздутый, – вспыхнул! Огонь разбегался в мгновение ока! Жители, в чём были, на улицу выскакивали. Пытались тушить, да куда там! Пламя только жарче разгоралось. Тут Аннушка Титова (да вы её должны знать – небольшого роста, сухощавая набожная старушка), она, как увидела пожар, сразу домой побежала за иконой. И вот она с иконой в руках да с молитвой вокруг дома обошла, огонь начал утихать, утихать и совсем погас.

Прошло время. Только барак после пожара отремонтировали, только жильцы переехали в свои квартиры, как вновь огненные языки брёвна облизали, а главное, всё в одном и том же месте вспыхивало. Дом в дымящую головёшку превратился. Аннушка в тот день из города поздно приехала. Народ у пепелища столпится. А она подошла ко мне и начала охать, мол, это Банник озорничает. Показала тропинку от реки к бане. Я глянула – и правда: какие-то неведомые

следы, будто кто мокрыми босыми ногами прошлёпал. Аннушка пояснила, что на пути Банника неприступной крепостью барак встал, и ему, горемыке грешному, никак не обойти препятствие, вот и сердится.

Глава посёлка рядом был, всё слышал и решил здесь, на окраине, кирпичную баню построить. Проект разработал сам, чтоб и прачечная для баб была, и летний душ для мужиков.

– Мам, ты опять про баню, – недовольно фыркнула дочь.

– О чём разговор? – вышла из раздевалки пышущая жаром тётя Дуся. – Эх, хорошо попарилась! Ольга Борисовна, спасибо за пар!

– На здоровье! – отозвалась кассирша. – О Баннике речь ведём.

– Ох, уж эти бани да Банники! – сморщилась пожилая женщина, поставила сумку на стул, присела рядом. – У нас в деревне, откуда я родом, была баня, топилась по-чёрному. Как-то я приехала домой с мужем. Матушка баню затопила и в дом вернулась. А Петруша решил помочь, дров подкинуть. Только было вышел из избы, как вдруг обратно вбегает, бадью[1] с водой хватает, глаза ошалелые, руки, ноги трясутся, на баню показывает и невнятно бормочет: «Пожар… Дым… Двери… Окна…» Ну, тут мы с матушкой смекнули: не видал, видно, парень, как по-чёрному баня топится. Взяла тогда я его за руку и повела показывать. Он – да и вся его

[1] **Бадья** – большое двенадцатилитровое ведро.

семья – раньше в печи мылись.

– По-чёрному – это как? – подняла пытливые глаза Лиля.

– Да просто! У печи трубы нет, на подтопке – бак с водой, а дым выходит в отверстие в крыше, да в раскрытые окна и двери.

– Там же сажа кругом, – то ли спросила, то ли уточнила прагматичная тётя Оля.

– Без сажи не обойтись. И стены, и потолок – всё чёрное. Зато какой воздух! Словами не передать! А сажу, бывало, сырой тряпкой оботрём со скамьи и садимся, ничего в этом страшного нет. Она же как антибактериальное средство действовала.

– Я бы не пошла в такую баню, – вздёрнула и без того курносый нос Оля.

– Ой, зря! Не видали вы, девоньки, настоящей бани!

– Да и ладно, – подмигнула подругам Лиля, попробовала разговорить женщину. – А что Вы о Баннике можете рассказать?

– О Баннике-то? – вопросом на вопрос отозвалась та. Задумчиво вздохнув, начала: – Ох, я ещё девчонкой была, – может, как вы теперь. Раз с подругами в святки решили погадать. Сговорились в полночь вместе к бане пробраться. Дверь настежь распахнули и по очереди подолы задирать стали, ждали, кого какой рукой Банник потрогает.

– И что? Потрогал? – прыснули со смеха девчонки.

– Других нет, а меня коснулся: рука ледяная, шершавая.

– В общественной бане гадать не станешь. В такой мороз подолы не задерёшь, обморозишься, – насупилась Лиля.

– Видать, приглянулась Баннику, изо всех девчонок одна я замуж вышла, – тётя Дуся с силой сжала губы, – остальных война проклятая забрала. Хорошо, что меня сюда на торфоразработки послали, хоть жива осталась.

– Да-а-а, мы все здесь приезжие, – отдалась воспоминаниям Ольга Борисовна. – Комбинат хорошо заботился о рабочих. В войну карточки были: моей тётке шестьсот граммов хлеба в день положено было, мне – двести пятьдесят. Ещё и талоны на дополнительное питание давали.

– Рыжова Евпраксия Ивановна – твоя тётка? А Никитина Александра Ивановна – мать? А кто первым на посёлок жить приехал? – поинтересовалась тётя Дуся.

– Да, они самые. Первыми в тридцать втором году приехали Константин Карпов с женой, мы его дядей Костей звали, а моя тётка чуть позже прибыла. Я к ней из деревни Гуреево Кубено-Озёрского района в сорок третьем приехала. В сорок шестом мама из колхоза с двумя ребятишками сбежала к нам, даже не забрав трудовую книжку. Голод в тот год был жуткий. Неурожай страшный. Мама рассказывала: «Человек идёт, идёт, упадёт, смотришь – мёртвый лежит. Хуже, чем в войну».

– Говорят, здесь пленные поляки жили?!

– Чего тебе поляки-то дались? Жили они в войну в старом бараке, но недолго, мне об этом тётка рассказывала, сама-то

я их уже не застала. Посёлок наш не бомбили, немецкие самолёты только до Сокола долетали, хотели разрушить мост через Сухону.

– Ой, пора мне! – Женщина встала, прошла в тамбур, распахнув широко дверь, исчезла в белом морозном мареве.

Девчонки молча, с интересом слушали разговор взрослых. Как только тётя Дуся ушла, они сразу же умчались в раздевалку.

– Вот ключ, запритесь изнутри от греха подальше. Я в прачечной, пока моетесь, бельё прополощу, и вместе домой пойдём.

Лиля взяла у матери ключ, заперла дверь. И, быстренько скинув в раздевалке одежду, прошмыгнула в парилку, плеснула из ковшика воду на раскалённые камни и уселась рядом с подругами.

– Интересно, как выглядит Банник? – рассуждала мечтательная Надя.

– Знаете, а тётя Дуся не рассказала нам о Баннике, которого её муж Петруша видел в этом углу… – Лиля показала рукой под лестницу.

– Откуда знаешь? – сощурила смеющиеся глазки Валя.

Лиля загадочно улыбнулась, прикрыла указательным пальцем рот, будто мать могла её услышать, и вполголоса продолжила:

– Ш-ш-ш… Я подслушала, когда мама с соседкой разговаривала. Оказывается, тот Петруша как-то раз в баню пришёл,

когда уже никого из мужиков не осталось. Ни о чём не думая, решил погреться в парилке. И то ли заснул, то и вправду увидел, как Банник недовольно фыркает. Тогда он резво выбежал в раздевалку, сгрёб бельё в охапку и мимо мамы, как ошпаренный, пронёсся, ни слова не сказав. Она лишь на другой день от мужиков обо всём узнала.

– Какой он – Банник? Как выглядит? – ткнула подругу в бок Надя.

– Петруша мужикам рассказывал, будто видел маленького старичка с длинными белыми кудрявыми волосами, покрытого лишь листьями от веника, – подытожила Лиля.

– Да, может, ему сон приснился, а он – Банник, Банник, – махнула рукой Оля.

– А где он живёт? В бане?! – любопытничала Валя.

– Здесь, в углу парилки, и живёт. Слышите? Чешет спину о каменную стену, – не успела Лиля договорить, как действительно послышался какой-то пугающий шорох.

Весёлые улыбки с лиц подруг мгновенно стёрлись, они с оглушительным визгом выскочили из парилки, бросились в раздевалку. Изрядно запыхавшись, встали за закрытой дверью и, задерживая разгорячённое дыхание, прислушивались к каждому шороху. В моечном отделении наступила неловкая тишина. Лиля, как самая смелая, приоткрыла дверь, осмотрела помещение. По правой стене стояла скамья с чистыми тазами, с обеих сторон от неё находились полки, над которыми из стены торчали краны с горячей и холодной во-

дой. На следующей стене – справа дверь в летние души, но она плотно закрыта. Посередине – два душа с перегородкой и одним общим коротким простенком, там тихо. Слева от душа – распахнутая дверь в парилку, и там пусто. По левой стене два больших окна, стёкла покрыты изморозью. Свет уличных фонарей сквозь наледь проникал скупо. В центре бани – два ряда деревянных скамеек.

– Никого нет. Пошли мыться!

Девочки, рассеянно озираясь по сторонам, вернулись в моечное отделение. Ольга, набрав в таз воды, мыла свои длинные, роскошные волосы. Надя встала под горячий душ и тёрла пятки пемзой. Валя сидела на скамье, намыливала мочалку. Когда у Лили закончилась вода, она взяла со скамьи таз и пошла набирать. Только открыла краны, как с жутким шумом распахнулась дверь в летние души. Она зарделась в смущении и завизжала. Тут же погас свет. В тёмном проёме, в клубах морозного воздуха возвышался тёмный силуэт. Блики уличного фонаря сквозь незамёрзшие стёкла окна душевой падали ему на голову, отчего кончики кудряшек казались серебряными. В висках у Лили пульсировала одна мысль: «Это он! Банник! Это ОН!!!» Она закричала:

– Банник! В летних душах Банник!

Подруги на миг замерли, соображая, что случилось. Лиля, ладная, чуть полноватая девчонка, объятая страхом, бросила таз, призрачной тенью скользнула к окну, бесцеремонно залезла на подоконник, с силой дёрнула шпингалет форточки;

когда та податливо распахнулась, разом раскрыла и вторую. Не помня себя, вылезла на улицу и спрыгнула в невысокий сугроб. Ледяная корочка под ногами хрустнула, но Лиля, не замечая ничего вокруг, испуганной рысью сделала несколько отчаянных прыжков; выбравшись на тропинку, замерла в ожидании подруг.

За ней следом проворно вылезла ловкая, гибкая, светлоглазая блондинка Надя. Обычно бойкая, открытая, весёлая Валя, откровенно разозлившись, швырнув мочалку в таз, покорно махнула за Надей. Высокая, стройная, своенравная брюнетка Ольга тщетно старалась смыть пену с лица и, плюнув на всё, закинув мыльные волосы на затылок, лихо сиганула на улицу вслед за одноклассницами. Нестерпимый холод обжёг распаренные девичьи тела. В ушах звенел зловещий хохот Банника, казалось, он вот-вот выскочит из форточки. Подруги, толкая друг друга, помчались мимо кочегарки в прачечную.

Тётя Оля опешила, увидев девчонок, которые наперебой объясняли, что случилось.

– Тише-тише, говоруньи мои! Не все разом, по одной.

– Свет-т-та нет-т-т. В душ-ш-шах Бан-н-н-ник! – лихорадочно стуча зубами, ответила дочь.

– Вот я ему сейчас! – Мать, нервно передёрнув плечами, взяла только что отжатую, прополосканную простыню и погрозила незваному гостю. – Корыта я намыла, так что наби-

райте горячей воды и отогревайтесь, а я сейчас схожу, разберусь.

– Нет, не надо! – в один голос завизжали девчонки.

– Ну, не бойтесь, меня-то он не тронет, я же своя.

Тётя Оля скинула старые, стоптанные набок, шлёпки, сунула ноги в валенки, накинула пальто и вышла, не выпуская из руки простыню.

* * *

Кочегары увидели в окно, как в лютый мороз одна девица нагишом, в чём мать родила, бежит, за ней – вторая, третья, четвёртая, и остолбенели. Семён Семёныч опомнился первым, посмотрел на гвоздь, где обычно висел ключ, понял, в чём дело, и заторопился в летние души:

– Ишь, стервятники! Чего удумали?!

Напарник не отставал. Только повернули за угол, смотрят: на крыльце в летние души копошатся их сыновья. Одному шестнадцать, другому четырнадцать лет, а всё, как дети малые, на разные проказы горазды: бывало, летом в огороды соседские залезут клубничкой полакомиться, а тут ещё чище придумали. Отцы отвесили своим отпрыскам подзатыльники и, схватив за шиворот, потащили в кочегарку. Усадив перед собой на стулья, начали допрос.

Гришка, парень, что постарше, сын Семёныча, потёр ушибленное место:

– А чего они заладили: Банник, Банник. Вот и решили им настоящего Банника показать.

– Вы у нас больше часа назад были. Где прятались? А ключ когда успели умыкнуть? – вопросы сыпались один за другим.

– Да ключ-то мы ещё вчера с гвоздика сняли, когда вы уходили дрова с вагонеток скидывать. Сегодня чуток не рассчитали, рано припёрлись. Пришлось долго в душе сидеть, ждать, пока тётя Дуся вымоется. Мы от мороза аж скукожились все.

– И её напугали? – поднял вверх крепко сжатый кулак Семёныч.

– Да, нет. Тихо сидели, даже не смеялись. Только когда в предбанник ушла, Колька в раздевалку тихонечко пробрался: рубильник-то в раздевалке.

– И где спрятался?

Колька густо покраснел:

– В туалете.

– И что дальше? – хмуро посмотрел в глаза сыну Валерий Александрович.

– Что дальше, что дальше? – шмыгнул носом Колька. – Когда Лиля завизжала, я свет выключил.

– А когда Лиля завизжала? – тряхнул за плечо сына Семён Семёнович.

– Когда я дверь открыл.

– Ну, всё! Теперь жениться придётся!

Парни и кочегары, вздрогнув от неожиданности, поверну-

лись к дверям, где с мокрой простынёй в руке стояла Ольга Борисовна. Парни соскочили со стульев:

– Жениться?

– Жениться-жениться. Раньше девки на суженых гадали, а теперь парням неймётся. Что ж, вы их сегодня воочию увидели, так что невест своих уже, считай, выбрали, – то ли шутила, то ли серьёзно рассуждала билетёрша. – А теперь марш отсюда, чтоб духу вашего здесь не было, и никому ни гу-гу об этом.

Гришка, высокий и худой, как жердь, парень с длинными золотыми кудряшками на голове, бочком-бочком протиснулся мимо будущей тёщи и пустился наутёк. Колька, чуть пониже и намного шире в плечах, с вихром чёрных, как у цыганёнка, волос над высоким лбом, прищурив карие глазки, хотел было что-то возразить, но, внезапно передумав, кинулся вслед за другом.

– Мужики, дверь в баню изнутри заперта. Дайте ключ от душевой.

Кочегары растерянно переглянулись:

– Дык… мы…

– Да они…

– Чего замычали-то?! Вон ключ на гвоздике висит. Девчонки-то, видать, через форточку вылезли, а ключ от бани в раздевалке остался. Я через души зайду, вещи заберу, всё закрою и вам ключи принесу.

– Чего спрашиваешь, бери да и всё! – дёрнул за рукав на-

парника Семёныч. – Помочь-то надо?

– Да ладно, сама справлюсь!

Кассирша шагала по тропе и невольно увидела мокрые следы на снегу. Они были не похожи на те, что когда-то ей показывала Аннушка. Женщина остановилась на крыльце: отпечаток, размером с мужской валенок, был мокрым. Она повернула обратно к кочегарке, заглядывая оттиск. Сомнения закрадывались в душу: парни ли напугали девчонок?! Может, и впрямь Банник?! Но, пренебрегая интуицией, вновь направилась в баню. Минуя летние души, зашла в моечное отделение. К её удивлению, свет в бане горел, а из кранов, что находились ближе к летним душам, хлестала горячая и холодная вода. На бетонном полу блестела огромная лужа. «Вот стрекотухи, хоть бы воду закрыли! И как Колька тут пробрался?» – проворчала в сердцах кассирша и, стараясь как можно ближе ступать к стене, чтобы не замочить валенки, попробовала дотянуться сначала до одного крана, потом до другого. Благополучно справившись с поставленной задачей, она удрученно заметила, что валенки сырые, и поняла, откуда появились следы на снегу – от Колькиных насквозь промокших валенок. Дальше тётя Оля, уже не опасаясь, поспешила к душу, где вода тоже текла рустом. Потом захлопнула форточки. Не без интереса заглянула в парную: никого! И, сама себе улыбнувшись, поспешно прошлась между скамейками, забрав нехитрые банные принадлежности девочек. Озабоченно оглянувшись, проверила, всё ли со-

брала, и двинулась за вещами в раздевалку. В шкафчике Лили сняла с крючка ключ, засунула в карман. Попробовала собрать в охапку пальто, шапки, валенки и сумки, но рук не хватало. Тогда она прошла в кассу, сняв тяжеленные мокрые валенки, поставила их на батарею, обула старые, изрядно поношенные, кожаные сапоги и нашла брошенную было верёвку. Вернулась в раздевалку, пальто и валенки девчат связала вместе и, как вязанку дров, перекинула через плечо. Шапки и остальную одежду распихала по сумкам, которые одну за другой нацепила на левую руку, правой дотянулась до рубильника; выключив свет, на ощупь выползла на улицу. Нашарила в кармане ключ, вытащив его, заперла дверь. Неуклюже ковыляя с большой ношей, вернулась в прачечную, но рассказывать, что произошло на самом деле, не стала.

Подружки, немного отойдя от пережитого кошмара, неохотно мылись прямо в корытах. Надя предположила, что это каждая из них живёт в благоустроенной квартире и вечером перед сном принимает ванну. Валя подхватила идею-мечту, мол, в ванной-то хорошо, да только пены маловато: сколько бы она мочалку ни намыливала, пены нет. Оля, ухмыльнувшись, заметила, что, когда ездила в город, видела в магазине пену для ванны. Лиля мылась молча, будто всё ещё боялась Банника.

Тётя Оля дополоскала белье, сложила в корзину. Помывшись, подружки решили идти по домам, настроение гадать окончательно пропало. Пока тётя Оля заносила ключи в ко-

чегарку, девчонки подошли к бане и с большим недоумением посмотрели на окна.

– Интересно, как это нам удалось вылезти в такую маленькую форточку?! – вновь заговорила Лиля. Силуэт Банника встал перед глазами, и вдруг она догадалась, кого видела в летних душах, но промолчала: ей казалось, что только от одной этой мысли она глупо заулыбалась, хотя, пожалуй, так оно и было…

* * *

Прошло несколько лет. Подружки, окончив восьмилетнюю школу, разлетелись кто куда, но старались по возможности приезжать домой, чтобы снова собираться вместе.

Лиля училась в техникуме и возвращалась с преддипломной практики. Она одиноко сидела в вагоне мотовоза и, раскрыв тетрадь, что-то увлечённо изучала. Вдруг над ухом прозвучал приятный баритон:

– Привет!

Лиля, встрепенувшись испуганной ласточкой, подняла голову: перед ней стоял Он, высокий и худой, как жердь, в морской форме, с коротким ёршиком золотых волос и небесно-голубыми, какими-то неузнаваемо-родными глазами. Мгновенно вернулось чувство, будто она вновь в трескучий мороз вылезает в форточку:

– Опять ты?

– Почему опять? – оголил ровный ряд белых жемчугов юноша. – Только что демобилизовался.

– А-а-а, понятно, – не зная новости, стыдливо разрумянилась Лиля.

– Танцы-то в клубе вечером будут? Я за тобой зайду?

– Зачем за мной? Не надо за мной. Я с подругами на танцы пойду.

– Значит, договорились, на танцах и встретимся!

Похорошевший Гришка удалился в тамбур вагона.

Лилю одолевало любопытство: почему он к ней подошёл?

До этого мгновения она ни на кого из парней даже смотреть не хотела, отшучиваясь, мол, ждёт своего рыцаря. Вдруг где-то там, в самом потаённом уголочке души, что-то беззвучно щёлкнуло, будто начала выпрямляться туго сжатая пружина, запустив тем самым крошечный механизм. Её Величество Любовь воспарила за спиной Лили незримым белокрылым ангелом.

Вечером на танцах Гришка щеголял в военной форме. Девушки назойливыми сороками вились вокруг бывшего солдатика, а он, никого не замечая, все медленные танцы проводил с Лилей и вечером беззастенчиво напросился провожать до дома, а она, на удивление всем, не стала возражать.

Подготовка к экзаменам и встречи с возлюбленным обрушились на хрупкие плечи девушки Ниагарским водопадом. Её крутило в водовороте страсти, а нужно было оставлять рассудок холодным до окончания учебы. Лиля изныва-

ла от неопределённости и однажды, как бы невзначай, призналась, что в конце лета ей придётся уехать по распределению. Гришка обезумел от такой новости и, не предупредив никого, на следующий же день прислал сватов.

– Ну что, тёща, ты, как провидица, предопределила мою судьбу. Отдашь за меня Лилю?

На это Ольга Борисовна, с укоризной взглянув на жениха, прижала указательный палец ко рту: мол, молчи, девчонки до сих пор ни о чём не догадываются, а вслух ответила:

– Ох, не зря, видно, с утра целый стол пирогов напекла. Проходите, гости дорогие! Чем богаты, тем и рады!

– У нас купец, у вас товар… – торговались сваты.

Свадьбу сыграли в местной столовой. Вечером Гришка не выдержал, признался, что он и есть тот самый Банник! Лиля, лишь крепче прижавшись к надёжному плечу мужа, тихо прошептала: «Я знала…»

2019 год

Скорый поезд

Громко стучали колёса пассажирского поезда. Не совпадая с их тактом, бешено колотилось сердечко Риты. Она умилённо смотрела на спящего сына. Ритина мать на верхней полке беспокойно ворочалась, пытаясь заснуть. События прошлой недели вывернули жизнь наизнанку. Они возвращались домой.

…Рита задумалась: почему папа её сына так поступил? Перед глазами открылась дверь в длинный коридор прошлого, и женщина понеслась по тоннелю памяти, опять очутилась в деревне. Она только-только приехала на весенние каникулы к тёте Марусе, сестре мамы. Вечером вместе с двоюродной сестрой, возвращаясь с танцев, Рита увидела его. Согнувшись знаком вопроса, парень прямо на дороге разбирал мотоцикл. Девочки хотели обойти стороной ремонтника, но он, напугав их, резко выпрямился:

– Соседка, может, познакомишь нас?

Смышлёные бирюзовые глаза встретились с растерянными чёрными горошинами Риты. Он протянул ей запачканную руку:

– Эдуард. Можно просто: Эд.

…Юноша и девушка словно попали в магнитное поле. Эдуард скромно ухаживал за своей избранницей. Казалось, что сама Любовь, захватив в свои объятия, усадила их на пу-

шистое облако счастья.

Осенью Эдуарда призвали в армию. Созванивались редко, поэтому писали письма. Угольком одиночества царапала девушка по бумаге, описывая щемящую тоску. Последние дни тянулись, как долгая северная ночь. Но она дождалась! Эдуард приехал в первых числах декабря. Счастливая пара не расставались ни на минуточку. Он возмужал. Короткий ёршик белёного льна на голове добавлял юноше шарма. В бирюзовых глазах появились искорки, какие-то еле уловимые чертовщинки. Греческий нос, узкие губы… Девушка уступала избраннику. Она как дюймовочка – хрупкая тростиночка, симпатичная, невысокая и бледная – в чём только душа держалась? Но счастливая! В тёмных глазах сверкали салюты радости: ей казалось, что Бог, наконец, и на неё внимание обратил. Она ликовала:

– Сквозь открытое оконце в душу заглянуло солнце. Заглянуло и осталось, с милым чтоб не расставалась.

Молодые попробовали жить в городе. Промыкавшись три месяца по разным съёмным квартирам, решили жить в деревне. К тому времени молодая чета уже ждала пополнение. Лето выдалось на удивление жарким. Смена климата и беременность давали о себе знать: будущая мама плохо себя чувствовала, часто теряла сознание. Свадьбу запланировали на июль. К этому времени решили отремонтировать ветхий дом бабушки Эдуарда, в котором давно никто не жил. Рита радовалась, как маленький ребёнок: ей хотелось скорей навести

свой порядок. Дом был просторный. В середине его белой медведицей стояла русская печь. Перегородка отделяла кухню от комнаты. Одно огорчало: жених постоянно пропадал на работе. Он устроился в совхоз шофёром.

На помощь приехала мама Риты, которая быстро организовала ремонтную бригаду. Деревня для неё – дом родной: здесь родилась и выросла. Ей помогали и одноклассники, и родственники, и даже директор совхоза свою помощь предложил, от чего, конечно же, никто не отказался. Сама же, как богатая купчиха, позаботилась о приданом. Съездила в город, купила не только продукты на свадьбу, но и обстановку: стенку, кухонный гарнитур, стиральную машинку. Както раз она вскользь обмолвилась: если что-то в жизни пойдёт не так, то она и дочь, и мебель заберёт к себе на север. Тогда никто не мог даже предположить, что слова окажутся пророческими.

– Дал Бог счастья на минутку, не сумела удержать, – шевелила губами молодая мама.

В середине сентября появился малыш, похожий на папу, как его фотография. Оказалось, что в роддоме ребёнку занесли инфекцию стафилококка. Малыша срочно госпитализировали в область. В три недели мальчику под наркозом чистили кость левой ножки. Через неделю процедуру повторили, но наркоз ребёнок мог не перенести, поэтому обошлись без него. Душа у Риты сжалась в спичечную головку, она и сама становилась прозрачной тенью. Изнывая от безыс-

ходности, твердила, что должна всё выдержать. В октябре приехала с севера мама, которая, как маятник часов, моталась между деревней и больницей: то увозила грязные вещи, привозя взамен чистые, то оформляла документы. Однажды она заглянула к подруге, рассказала, что дочь угодила в капкан беды. Та, выслушав, посоветовала заказать сорокоусты о здравии в монастыри. Ритина мама так и поступила. И чудо свершилось: через три дня ответы анализов Виталика показали, что болезнь отступила. Рита не могла дождаться выписки. Ей хотелось, пока мама рядом, просто по-человечески выспаться. Жизнь налаживалась.

Удушающий ком в горле перекрыл дыхание, женщина невольно всхлипнула. Наклонилась к малышу, поправила одеяльце. Тяжёлые мысли грозовыми тучами нависли над головой. Судьба смеялась над её семейной жизнью. Вечером после возвращения из больницы Рита нашла какую-то непонятную иголку, воткнутую в стену на кухне, около вешалки. Она аккуратно взяла непрошеную гостью куском газеты, бросила в печь. Присела на приступок печи и стала ждать супруга. Хотелось узнать, кто был в гостях, пока она лежала в больнице. Эдуард, как всегда, задерживался на работе. Входная дверь крыльца предательски проскрипела, зашевелились ссохшиеся исшарканные половицы, послышались крадущиеся шаги в коридоре, потом открылась дверь в избу. Мужчина, увидев жену, неожиданно остолбенел.

– Где ты был? Зачем иголку в стену воткнул?

На вопросы жены он не стал оправдываться. Не хотел ничего рассказывать, сославшись на то, что она начала накручивать себе невесть что. Вспомнил, как тёща во время свадьбы нашла чужой нож на столе, а теперь ещё какие-то иголки мерещатся…

Когда тётя Риты позвонила директору совхоза и узнала, что Эдуард ни одной ночной смены не работал, были шокированы все. Прижатый к стене неопровержимыми фактами, Эдуард сознался. Оказалось, что он навещал «даму сердца». Когда начинало темнеть, чтобы тётя Риты не увидела его в окно, он с выключенными фарами тихонечко выезжал за околицу деревни. И лишь потом давил на газ, мчался в соседнюю деревню. Под утро возвращался, а через час уходил на работу. Рита вспомнила, что любовница была на свадьбе как родственница мужа.

– Подлый… – невольно произнесла измотанная горем женщина.

Мать Риты спустилась с полки, села рядом и тихо, чтобы не разбудить соседа по купе, проговорила:

– Доченька, слышу, что не спишь. Я вот что подумала. Знаешь, я отправляла записки в монастыри. Один из них находится в Муроме, там поклоняются святым покровителям семейного очага. Может, помощь святых оказала на твоего мужа такую силу?

– Может. Мам, теперь нам с тобой надо думать, как Виталика на ноги поставить. Как хорошо, что ты у меня есть! Ты

ведь меня не бросишь? Правда? Мам, мне почему-то кажется, что вся моя семейная жизнь как этот скорый поезд. Осветило в темноте светом мощного прожектора, а я не зажмурилась, подумала, что это настоящая любовь. Но теперь поняла, что просто не на тот поезд села. С мужем я разведусь, ему «жрица любви» дороже, чем родной сын. Я им шлагбаумом на дороге становиться не б уд у.

Мать крепко обняла дочь. Колёса мелодично стучали: «до-мой, до-мой, до-мой, до-мой». Начиналась новая жизнь. От шепотка проснулся сосед, он слышал весь разговор, спустился вниз. Подтянутый, в военной морской форме, коренастый, черноглазый, курносый солдатик протянул руку:

– Давайте познакомимся! Роман.

– Мы не знакомимся в поездах, – строгим взглядом оценив собеседника, ответила за дочь Надежда Петровна.

– Не обижайтесь, – бархатным баритоном настаивал морячок. – Я слышал, что вы за помощью обращались к святым покровителям семейного очага.

– А вам какое дело до нас? – не унималась мать.

– Дорога дальняя, хочется рассказать, кому вы писали свои записки. Моя бабушка много рассказывала о них. Святой князь Пётр и святая княгиня Феврония – муромские чудотворцы. Князь Пётр вступил на престол в 1203 году. За несколько лет до этого он заболел проказой, от которой никто не мог его излечить. Во сне князю было открыто, что его может исцелить дочь пчеловода из деревни Ласковой. Пётр

послал в ту деревню своих людей. Когда он увидел Февронию, то полюбил и дал обет жениться после исцеления. Дочь пчеловода вылечила князя и вышла за него замуж. Супруги пронесли любовь друг к другу через все испытания!

Моряк изучающе посмотрел на спутниц. Обе женщины сидели в оцепенении, с широко раскрытыми глазами, внимательно слушали. Рита заинтересовалась:

– Откуда вы знаете их житие?

– Просто я родился восьмого июля, в день поминания святых. В детстве ездил к бабушке в Рязанскую область. Там встретил свою судьбу. Мы долго переписывались… Сейчас невеста поставила мне условие: сможет выйти замуж только после того, как я подробно расскажу ей о святых. Бабушки давно нет, спросить не у кого, вот и ездил в монастырь. Теперь и я хочу поставить ей условие.

– Какое? – обеспокоилась Надежда Петровна.

– Простое, – улыбнулся юноша. – Предложу ей венчаться в монастыре.

– И, что, думаете, согласится? – проявила интерес Рита.

– Куда денется? Мы же с ней любим друг друга.

– Лю-ю-юби-и-им, – эхом повторила Рита, отвернулась к стене.

Разговор прервала проводница:

– Простите, вы просили разбудить, скоро ваша станция.

Дамы начали торопливо складывать вещи.

– Простите ещё раз, – не унимался морячок. – Не хо-

чу быть назойливым, но примите эту крошечную иконочку – подарок моей бабушки. Пусть она поможет вашему малышу, – протянул пожелтевшую старую газету, сложенную несколько раз. Рита недоверчиво взглянула. Парень развернул бумагу и извлёк содержимое.

– Я не могу это взять, бабушка подарила её вам.

– Моя бабушка была очень доброй, сама попросила бы меня помочь вам. Я с чистым сердцем отдаю.

– Спасибо, но мне нечем отблагодарить вас.

– Не понимаю, о чём вы?

Тут вмешалась Надежда Петровна:

– Доченька, это сам Господь хочет тебе помочь, бери.

Рита с мамой терпеливо выхаживали сына: массажи, физиопроцедуры, щадящая гимнастика, усиленное питание. Устали так, будто не одну пятилетку работали без выходных, но ни одна из них никогда об этом даже не обмолвилась, главное – ребёнок! Всё для него! Иконка благоверных Петра и Февронии стояла на полке рядом с детской кроваткой, Рита часто смотрела на святые образы и мысленно просила о помощи.

Через год она с сыном приехала в областную больницу на плановое обследование. Врачи развели руками:

– С таким диагнозом выживает один ребёнок из ста. Чудеса да и только!

2013 год

Семейные корни

Николай спал неспокойно: ворочался, стонал, что-то бессвязно бормотал. Татиана осторожно тронула мужа за плечо:

– Коля, проснись! Тебе опять что-то приснилось?

– А? Что? Который час? – открыл глаза супруг.

– Два часа ночи! Ты опять метался по всей кровати.

– Опять этот сон! – Пожилой мужчина сел, рассеянно огляделся вокруг и, чтобы окончательно проснуться, опустил ноги на холодный пол.

– Ну, всё, хватит! Сколько это может продолжаться?! Надо что-то делать, утром же запишу тебя к врачу.

– Нет. Тут надо разобраться. Не может такого быть, чтобы один и тот же сон преследовал меня всю жизнь! Первый раз дедушка пришёл, когда я был маленьким, спросил: «Что ж ты, внучок, не приходишь проведывать меня?» Вечером принесли письмо без обратного адреса, в конверте лежала чёрно-белая фотография. Потом, когда мы с тобой покинули Россию, переехав жить в Эстонию, умолял вернуться домой, на родину. И вот опять…

Мужчина прошёл в зал, достал из ящика письменного стола то самое фото. Присел на диван и начал молча в тысячный раз внимательно рассматривать образы. В левом углу переднего плана на стуле сидел дед, закинув ногу на ногу. Хромовые, начищенные до блеска сапоги доходили до колен.

Пальцы рук на колене сцеплены в замок. Тёмная рубаха-косоворотка, а на голове – высокий картуз. Неширокая ухоженная борода, чуть подёрнутая сединой, закрывала шею, из-за чего лицо казалось вытянутым. Нос прямой, щёки провалились, уголки глаз опущены. Лицо печально, будто выражало скорбь и предчувствие беды неминучей. На соседнем стуле справа от главы семейства – жена Галина. Юбка, кофта, платок на ней чёрные. Сложенные кисти рук ладонями внутрь лежали на коленях, на лице застыла застенчивая улыбка. За отцом – дочь Поликсения, а за Галиной – Мария, мать Коли, сноха дедушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.